

Пелехова Екатерина Михайловна

студентка

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный

университет им. П.Г. Демидова»

г. Ярославль, Ярославская область

Садоян Юра Фарманович

консультант

АНО «Ярославское правовое

научно-исследовательское общество»

г. Ярославль, Ярославская область

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

***Аннотация:** в статье рассматривается криминологическое содержание легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления, исследуются основания криминализации указанного посягательства. Авторы подвергают анализу первоначальную редакцию ст. 174 УК РФ, влияние использованных в ней нормативных понятий на уголовно-правовую оценку общественно опасных деяний и состояние правоприменительной практики.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, экономическая деятельность, преступление, криминализация, легализация, преступный доход, финансовые операции, сделки, имущество.*

Вопрос о противодействии легализации преступных доходов наиболее остро проявился в России в период начала рыночных реформ в начале 90-х годов. Связано это с тем, что преступные группировки в условиях развития ранней демократии начали выступать под видом различных предпринимательских – коммерческих и финансовых – структур. Но это не означает, что преступники сменили сферу своей деятельности и стали законопослушными предпринимателями.

Юридически они имеют статус руководителей, участников и учредителей организаций, но основную часть доходов получают за счёт преступлений, совершаемых под прикрытием предпринимательской деятельности, в целях их дальнейшей легализации, так как она предполагает активное использование легального гражданско-правового (хозяйственного) оборота и социально-экономических инструментов. Необходимо выделить два обстоятельства, способствующие появлению и распространению легализации: 1) появление и развитие рентабельных (например, торговля донорскими органами человека) и сверхрентабельных (например, торговля синтетическими наркотиками) преступлений, которые приносят доходы, несравнимо превосходящие как расходы на саму преступную деятельность, так и потребности преступных сообществ и отдельных преступников; 2) появление возможностей для легализации преступных доходов в процессе интенсивного развития частной предпринимательской инициативы, с одновременным бурным развитием преступного мира, нуждающегося в финансовой базе для легальной экономики, которая нужна преступникам для вхождения во властную элиту.

Косвенным подтверждением того, что структуры, осуществляющие легализацию, связаны с определенными представителями государственной власти, является отсутствие в УК РСФСР нормы о легализации преступных доходов в период 1991–1996 годов; запоздалая ратификация Россией международных Конвенций, связанных с борьбой с легализацией преступных доходов, непродуманность первоначальной редакции ст. 174 УК РФ; консервация дефектов законодательства по борьбе с отмыванием преступных доходов и их количественное увеличение; незначительная интенсивность в период с 1997 по 2002 год правоприменительной практики; качественно слабая нормативная база по борьбе с легализацией преступных доходов в Российской Федерации [2, с. 27]. Криминализация отмывания денег в России произошла в условиях очевидного влияния (в том числе целенаправленного) североатлантической правовой парадигмы. В 1996 году Парламентская ассамблея Совета Европы рекомендовала Комитету министров «пригласить Российскую Федерацию стать членом Совета Европы»,

учитывая, что Россия намерена подписать и ратифицировать Страсбургскую конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. FATF применила к России моральную санкцию, внеся ее в список «несотрудничающих» стран [1, с. 15]. Активное участие России в борьбе с отмыванием денег стало необходимым условием нормальной интеграции ее в мировую экономику, в частности, в связи с намерением вступить в ВТО. Поэтому, хотя в России и не созрели еще условия, позволяющие извлечь пользу от борьбы с отмыванием денег, принят ряд законов против отмывания денег. Так, 1 января 1997 г. вступил в силу УК РФ, в котором ст. 174 предусматривала ответственность за «легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем». Федеральным законом от 28 мая 2001 г. Россия ратифицировала Страсбургскую конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года [1, с. 17]. И уже 7 августа 2001 года Президентом РФ подписаны Федеральные законы №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» и №121-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем».

Статья 174 УК в первоначальной редакции 1996 г., предусматривающая ответственность за отмывание денежных средств или имущества, приобретенных заведомо незаконным путем, была первым российским законодательным опытом борьбы с отмыванием денег. Норма называлась: «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем». Признаки данного преступления определены в ч. 1 как совершение финансовых операций или других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным заведомо незаконным путем, а равно использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. В части второй этой статьи предусматрива-

лись квалифицирующие обстоятельства, а именно совершение деяния: а) группой лиц по предварительному сговору; б) неоднократно; в) лицом с использованием своего служебного положения. Часть третья статьи определяла в качестве квалифицирующих обстоятельств совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 2, организованной группой или в крупном размере.

В первоначальной редакции диспозиция ст. 174 УК представляла собой *существенно упрощенный и механически сокращенный перевод американского законодательства*. Предмет преступления определялся как «денежные средства и иное имущество, приобретенные заведомо незаконным путем». При этом не учитывалось, что американский закон (как и законы других зарубежных стран), раскрывая понятие «незаконной деятельности», указывает не на любые «незаконные действия», а лишь на уголовные преступления, причем почти все зарубежные законодательства ограничивают круг первичных преступлений (обычно указываются тяжкие преступления, некоторые экономические преступления и преступления, типичные для организованной преступности). Деяние в первоначальной редакции ст. 174 УК определялось как «совершение финансовых операций и иных сделок... а равно использование... для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности» и не предусматривало, в отличие от северо-американского права, каких-либо целей деятельности по отмыванию денег.

В качестве недостатков первоначальной редакции ст. 174 УК РФ можно выделить следующие моменты: во-первых, слишком широко был определен предмет преступления – денежные средства или имущество, приобретенные заведомо незаконным путем. Таким образом, под признаки преступления, предусмотренные данной статьей, подпадало не только имущество (деньги), добытое преступным путем, но и полученное в результате административного правонарушения, недействительных гражданско-правовых сделок, которые признаются незаконными. Тем самым вторичное деяние (отмывание) могло влечь за собой уголовное наказание, а первичное, в результате которого это имущество было

добыто, гражданско-правовую или административную ответственность, что противоречит элементарной логике и принципам правовой ответственности. Во-вторых, не были очерчены количественные критерии применения уголовной ответственности за легализацию незаконно добытого имущества (денежных средств). Если следовать точному тексту закона, то его можно было применять к лицам, вводящим в легальный оборот незначительные денежные суммы или малостоящие вещи, приобретенные незаконным путем. В-третьих, не было четкого определения признаков лиц, могущих быть субъектами данного преступления, что вело на практике к ограничению круга субъектов лишь теми лицами, которые сами имущество незаконно не приобретали.

В целом норму, представленную в первоначальной редакции ст. 174 УК РФ, можно охарактеризовать как крайне общую, не имеющую аналогов в зарубежных законодательствах. По существу, суровое наказание предусматривалось за любые действия с имуществом, приобретенным незаконным путем. Несколько лет действия нормы на практике (она действовала до июля 2001 года) показали, что она далеко не совершенна, на что неоднократно указывалось в уголовно-правовой науке [4, с. 101]. В целом непонятность существа отмыывания денег как преступления, неопределенность признаков его состава имели крайне негативные последствия (нарушение прав и свобод граждан вплоть до необоснованного осуждения, терроризирование предпринимателей, создание условий для коррупции в правоохранительных органах, ухудшение общих условий экономической деятельности в стране и др.). По этой причине случаи применения ст. 174 УК РФ 1996 г. с момента его вступления в силу и до внесения изменений в редакции исследуемых норм носили в судебной практике, по существу, единичный характер.

Список литературы

1. Клепицкий И.А. «Отмыывание денег» в современном уголовном праве / И.А. Клепицкий // Государство и право. – 2002. – №8.
2. Соловьев А.В. Правовые и криминалистические проблемы легализации преступных доходов / А.В. Соловьев. – Краснодар, 2002.

3. Тосунян Г.А. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств в финансово-кредитной системе: опыт, проблемы, перспективы: учеб.-практ. пособие / Г.А. Тосунян, А.Ю. Викулин. – М.: Дело, 2001.

4. Якимов О.Ю. О недостатках законодательного регулирования противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов / О.Ю. Якимов // Уголовное право. – 2003. – №1.